

РЕЦЕНЗИИ

Kazimierz Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Prace językoznawcze PAN. 16.—Wrocław-Kraków, 1957. 332 стр. + 1 карта.

В послевоенные годы появилось весьма значительное количество работ, посвященных проблеме происхождения славян, их языка, определению славянской прародины, основных этапов расселения славян и их древнейших связей с другими народами¹. В этих исследованиях принимали участие историки, историки культуры, археологи, этнографы, антропологи, лингвисты. Было высказано немало интересных соображений, выдвинуто много оригинальных положений — от кажущихся вполне вероятными до фантастических. Для решения вопроса были испробованы достижения этнологического направления, восходящего в своей основе к работам Г. Коссини, начавшимся в на-

¹ Укажем лишь некоторые работы в этой области: Т. Le h r-S p l a w i ń s k i, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946; ег о ж е, Praslówianie, Kraków, 1946; ег о ж е, Początki Słowian, Kraków, 1946; ег о ж е, Z rozważań o pochodzeniu Słowian, «Przegląd Zachodni», 3, 1947; ег о ж е, Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian, «Slavia antiqua», 4, 1951; ег о ж е, Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian, Warszawa, 1954; ег о ж е, Głos językoznawcy o etnogenezie Słowian, «Pierwsza sesja archeologiczna Instytutu historii kultury materialnej», Warszawa — Wrocław, 1957, и др.; J. C z e k a n o w s k i, Polska synteza sławistyczna w perspektywie ilościowej, Kraków, 1947; ег о ж е, Polska-Słowiańszczyzna. Perspektywy antropologiczne, Warszawa, 1948; ег о ж е, Wstęp do historii Słowian, Poznań, 1957, и др.; J. K o s t r z e w s k i, Prakolebka Słowian w świetle badań paleobotanicznych, «Przegląd archeologiczny», 7, 1946; ег о ж е, Praslówiańszczyzna, Zarys dziejów i kultury Praslówian, Poznań, 1946, ег о ж е, Bałtosłowianie i początki Praslówian, «Przegląd Zachodni», 2, 1946; ег о ж е, Wielkopolska w pradziejach, Warszawa — Wrocław, 1955; ег о ж е, Stosunki między kulturą łужиcką i bałtycką a zagadnienie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej, «Slavia antiqua», 5, 1956; S. K r u k o w s k i, J. K o s t r z e w s k i, R. J a k i m o w i c z, «Prehistoria ziem polskich», PAU, 1939—1948; K. J a ż d z e w s k i, Pradzieje Słowiańszczyzny w ujęciu prehistoryka i językoznawcy, «Roczniki historyczne», 16, 1947; ег о ж е, Gdzie była prakolebka Słowian, Warszawa, 1947; ег о ж е, Atlas do pradziejów Słowian, Łódź, 1—2, 1948—1949; K. T y m i e n i e c k i, Ziemie polskie w starożytności, Poznań, 1951; W. H e n s e l, Pochodzenie Słowian, «Wiadomości archeologiczne», 20, 1954; G. L a b u d a, Okres «wspólnoty» słowiańskiej..., «Slavia antiqua», 1, 1948; M. R u d n i c k i, L'habitat primordial des Slaves après l'époque i.-e., «Slavia occidentalis», 18, 1939—1947; ег о ж е, Wartość nazw drzewa bukowego, łosia i rdzenia l e n d h dla wyznaczenia prakolebki (praojczyzny) indoeuropejskiej i słowiańskiej, BPTJ, 15, 1956; St. N o s e k, Zagadnienie praslówiańszczyzny w świetle prehistorii, Warszawa, 1947; V. P o l a k, K otazce slovanské pravlasti, «Časopis pro moderní filologii», 30, 1946; ег о ж е, Slovanská pravlast s hlediska jazykového, «Vzink a počátky Slovanů», Praha, 1956; ег о ж е, Ethnogenese Slovanů s hlediska jazykového, там же; J. E i s n e r, Les origines des Slaves d'après les préhistoriens tchéques, RESL, 24, 1948; ег о ж е, Nové vyklady o slovanské pravlasti. Obrysy slovanstva, Praha, 1948; J. B ö h m, Původ Slovanů ve světle nové české literatury prehistorické, «Časopis Matice Moravské», 68, 1948; J. F i l i p, počátky slovanského osídlení v Československu, Praha, 1946; ег о ж е, Právěké Československo, Praha, 1948 и др.; M. B u d i m i r, Problem bukie i protoslovanske domovine, «Rad JAZU», knj.282, 1951; S. H. C r o s s, Slavic civilization through the ages, Cambridge, Mass., 1948 (есть французский перепод); E. G a s p a r i n i, La cultura lusaziana e i Protoslavi, «Ricerche slavistiche», 1, 1952. C. V e r d i a n i, Il problema dell' origine degli Slavi. Premessa allo studio del mondo slavo prima del X secolo, Firenze, 1951; K. H. M e n g e s, An outline of the early history and migrations of the Slavs, New York, 1953; K. T r e i m e r, Ethnogenese der Slawen, Wien, 1954; H. P r e i d e l, Die Anfänge der Slawischen Besiedlung Böhmens und Mährens, München, 1954; M. G i m b u t a s, On the origin of north Indo-European, «American anthropologist», 54, 1952 (ср. также ответную статью Трейджера и Смита, там же, 55, 1953), и др.

чаде 10-х годов, ретроспективный метод в археологии, принципы старой львовской антропологической школы, новейшие приемы палеоботанического флористического анализа с широким учетом общего экологического фона, приемы статистического анализа языковых фактов, метода топонимических (прежде всего, гидронимических) исследований, принципы анализа данных индоевропейской диалектологии.

И тем не менее перечисленный выше круг вопросов во многом еще далек от решения. Более того, остается неизвестной доказательная сила или даже правомерность применения тех или иных методов к решению указанных вопросов. Именно это обстоятельство в сочетании с очень нестрогой (как правило), а часто и вовсе неправильной постановкой вопроса о прародине славян не позволяет до сих пор решить проблему в целом. Что же касается определения территории, занимаемой праславянами, то, оставляя в стороне детали, относящиеся к хронологии и к доказательству как таковому, оно едва ли окажется затруднительным. Нужно думать, что был прав Л. Нидерле, когда он весьма несложным способом, в основном путем исключения, определял прародину славян как территорию, лежащую к северу от Карпат между средним Поднепровьем и Эльбой или Вислой (в зависимости от решения вопроса об этнической принадлежности полей погребения лужицко-силезского типа)¹. Необходимость более точных определений связана исключительно с хронологической дифференциацией. Без нее, как показал Г. Лябуда, можно вполне применять самые различные теории о славянской прародине, помещающие ее от Эльбы до Волги².

На горькие мысли о методологическом несовершенстве, характерном для многих работ о праславянских древностях, навело нас чтение рецензируемой здесь книги К. Моминского. Автор — крупнейший польский этнограф, профессор Ягеллонского университета. Его перу принадлежит целый ряд превосходных монографий³ и большое количество статей, посвященных вопросам общей и славянской этнографии, древней культуре славян, их происхождению. Уже с самых ранних работ К. Моминский связал себя с языковедением; в последние годы эта связь еще более укрепилась: на страницах польских лингвистических журналов все чаще появляются статьи К. Моминского по славянской этимологии и лексике⁴.

Поэтому не следует удивляться тому, что традиционный вопрос о прародине славян взят в книге в исключительно лингвистическом аспекте (это отражено и в несколько необычном ее названии), а среди разнородных аргументов преобладают те, которые содержатся непосредственно в данных языка или которые получают в них свое отражение. Такой подход к решению проблемы, по-видимому, заслуживает одобрения. Во всяком случае, он вполне закономерен и психологически понятен, особенно если принять во внимание, что книга К. Моминского полемически заострена против приверженцев познательской археологической школы Ю. Костековского и примкнувших к ним лингвистов (как, например, Т. Лер-Сплавинский)⁵, пытающихся связать те или иные этапы в истории праславян с определенными археологическими культурами.

Свою книгу К. Моминский и начинает с небольшой главы «О несоответствии гео-

¹ См. L. N i e d e r l e, *Rukovět' slovanských starožitností*, Praha, 1953 (русский перевод — «Славянские древности», М., 1956, стр. 31—33). Между прочим, приблизительно такое же решение вопроса было представлено еще В. Суровенкием (см. W. S u r o w i e c k i, *Śledzenie początku narodów słowiańskich*, Warszawa, 1824).

² См. G. L a b u d a, *Okres «wspólnoty» słowiańskiej w świetle źródeł i tradycji historycznej*, «Slavia antiqua», 1, 1948, стр. 214—212.

³ См. K. M o s z y ŋ s k i, *Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą Słowian*, Kraków, 1925; ег о ж е, *Polesie wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego*, Warszawa, 1928; ег о ж е, *Kultura ludowa Słowian, I, II (zesz. 1—2)*, PAU, 1929—1939; ег о ж е, *Ludy zbieracko-łowicze. Ich kultura materialna oraz podstawowe wiadomości o formach współżycia zbiorowego, o wiedzy, życiu religijnym i sztuce*, Kraków, 1951; ег о ж е, *Ludy pasterskie*, Kraków, 1953, и др. Объявлено о выходе в свет в этом году фундаментальной работы К. Моминского «Wstęp do etnografii powszechnej».

⁴ См. K. M o s z y ŋ s k i, *Uwagi do 1 (соответственно — 2, 3, 4, 5) zeszytu Słownika etymologicznego języka polskiego Fr. Sławskiego, Język polski, XXXII — XXXVII, 1952—1957; ег о ж е, Skąd poszła nazwa gołąb?, «Język polski», XXXV, 1955; ег о ж е, Jeszcze o nazwach koniczyzny i niektórych innych roślin, там же; ег о ж е, O początkach i pochodzeniu wyrazów *pluga* i *pluźnica*, там же, XXXVI, 1956; за пределы славянского языковедения выходит К. Моминский в статье «Słownictwo ludów tzw. prymitywnych», BPTJ, 15, 1956.*

⁵ Речь не идет здесь, естественно, о частных расхождении, например, в трактовке археологического эквивалента балто-славянской языковой общности, нашедших выражение в книге Т. Лера-Сплавинского «O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian» и в работах Ю. Костековского «Baltosłowianie i początki Praslówian», «Przegląd zachodni», II, 1946 и «Stosunki między kulturą, języką i bałtycką, a zagadnienie wspólnoty baltosłowiańskiej», «Slavia antiqua», 5, 1956 (полемика по этому вопросу еще не закончилась).

графических ареалов языков и культур», в которой проводятся аргументы, как правило, почерпнутые еще из ранней работы («Badania...», 1925) или взятые из трудов других ученых, против методик школы Коссини, связывающей те или иные археологические культуры с определенными языками. Из этой критики К. Мошинский делает ряд выводов, важнейшие из которых заключаются в следующем: во-первых, ареал данной культуры может заключать в себе два или несколько разных лингвистических ареалов и, во-вторых, ареал одного языка может совпадать с несколькими разными ареалами археологических культур (стр. 13). Впрочем, эти положения сопровождаются оговоркой автора, считающего, что на 2—4 века вглубь возможны некоторые более или менее определенные выводы в тех случаях, когда связь между данной культурой и данным языком несомненна и подтверждается историческими источниками. К сожалению, польский этнограф критикует лишь самые общие положения этнологического метода в том виде, как он сложился в первое десятилетие своего существования. Новейшие частные приемы определения этнической принадлежности тех или иных культур и, наоборот, культурного эквивалента данного языка, как и ряд основательных разъяснений в связи с сомнениями в правомерности этнологического метода, К. Мошинский оставляет без внимания. Точно так же избегает он оценки ретроспективного метода в некоторых чрезвычайно выгодных для его применения условиях, которые, видимо, и существуют на территории Польши, где прослеживается связь раннеисторической культуры с пшеворской и далее вплоть до лужицкой¹. Во всяком случае разногласия между польскими археологами и К. Мошинским относительно этнической принадлежности населения на территории между Вислой и Одрой на рубеже нашей эры столь велики, что они должны бы были подвергнуться детальному анализу.

Основной части книги К. Мошинского предшествуют еще две главы, в которых излагаются взгляды автора на происхождение индоевропейского языка и на смешанный характер праславянского языка. Начиная с правильного утверждения, что положение славянской прародины ни в коей степени не определяется первоначальной территорией распространения индоевропейских диалектов (стр. 15), К. Мошинский тем не менее останавливается на индоевропейской проблеме. По его мнению, вопрос о происхождении индоевропейцев не только до сих пор не решен, но даже и не поставлен надлежащим образом. Неудовлетворенность и скептицизм автора станут понятными, если принять к сведению его советы изучить в первую очередь индоевропейские заимствования в кавказских языках (на этом особенно настаивает К. Мошинский)², а также в диалектах северной, центральной и восточной Азии (в частности, в тибетском). По его глубокому убеждению, эти языки в будущем станут «обетованной землей» (*Ziemia Obietnica*) для индоевропейцев (стр. 16). Несомненно, подобные соображения представляют собой несколько исправленный вариант старой теории К. Мошинского, изложенной еще в 1925 г. с той разницей, что сказанное раньше о славянах теперь относится к индоевропейцам³. Все это подтверждается еще наблюдениями автора, согласно которым «примитивным» племенам свойственно в высшей степени интенсивное передвижение в разных направлениях. Что же касается прародины индоевропейцев, то К. Мошинский помещает ее в пояс, начинающемся в центральной или юго-восточной Европе и продолжающемся вплоть до Тянь-Шаня и Алтая (здесь уместно вспомнить об отчасти сходных мыслях К. Крамаржа в отношении прародины славян⁴, что в той или иной степени совпадает с мнением других ученых (Чайлд, Неринг, Копперс, Бранденштейн, Филипп, Трейджер, М. Рудницкий и др.), все чаще рассматривающих южнорусские степи (включая сюда и прикаспийские) как прародину индоевропейцев⁵ (в свою оче-

¹ См. J. K o s t r z e w s k i, *Prasłowiańszczyzna. Zarys dziejów i kultury Prasłowian*, Poznań, 1946; его же, *Wielkopolska w pradziejach*, Warszawa—Wrocław, 1955 (3-е изд.); S. K r u k o w s k i, J. K o s t r z e w s k i, R. J a k i m o w i c z, там же.

² Помимо ряда серьезных работ на эту тему (ср., например, R. L a f o n, *Le nom de l'argent* dans les langues caucasiques, «Revue hittite et asiatique», 40, 1933 и др.), в последнее время появилось немало исследований совершенно фантастического характера, в которых делаются попытки решить вопрос о происхождении славян в связи с кавказскими данными; ср. K. T r e i m e r, *Die Ethnogenese der Slawen*, Wien, 1954; несколько более осторожен В. Поляк (ср. его статью «K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a slovanskými, «Listy filologické», 70, 1946, ср. также «Ca-sopis pro moderní filologii», 32, 1948—1949), хотя и его сопоставления обычно неприемлемы. Более убедительными оказываются лишь случаи опосредствованных связей славянских языков с кавказскими (см. K. B o u d a, «Zeitschr. für slav. Philologies», 17, 1941; 18, 1942, и др.).

³ См. K. M o s z y ŋ s k i, *Badania...*, стр. 96—138 (особенно стр. 102).

⁴ См. K. K r a m á ř, *Nové doklady pro pravlast Slovanů na Altaji, Budějovice*, 1919; ср. также его более раннюю работу «Die Ankunft der Germanen, Litauer und Slawen aus der Urheimat am Altaj», České Budějovice, 1916.

⁵ См. J. B r ö n s t e d t, *Omkring indoeuropæerproblemet*, «Corolla archaeologica in honorem C. A. Nordman», København, 1952.

редь это не противоречит последним взглядам на прародину угро-финнов¹. К. Мошинский не раскрывает мотивов, по которым он помещает индоевропейскую прародину в указанном поясе (это, видимо, будет сделано в его «Вступлении в общую этнографию»), однако, каковы бы они ни были, они не могут иметь отношения к предполагаемому индоевропейским заимствованиям в перечисленных автором азиатских языках.

Связи между данными заимствований и определением прародины, оставшиеся до сих пор несколько завуалированными, обнаруживаются в полной мере, когда К. Мошинский говорит о славянском языке. Пытаясь использовать идеи известной работы И. А. Бодуэна де Куртене «О смешанном характере всех языков», он вслед за Т. Лером-Славинским излишне прямолинейно представляет славянский язык состоящим из двух элементов — протославянского (трансформация индоевропейского языка на территории славянской прародины) и некоего неизвестного языка-кента, не являющегося, однако, германским. Единственный аргумент в пользу смешанного характера славянского языка К. Мошинский черпает в не слишком в общем многочисленных случаях, когда в славянских языках индоевропейские задненебные палатальные трактуются как *k*, *g* (такие случаи, как известно, особенно часты в балтийских диалектах). По мнению польского ученого, этот кентумный народ некогда отделял германцев от славян и балтов, его основным занятием было скотоводство (ср. праслав. **korna*, литовск. *kūrė*; литовск. *pėkus*, прусск. *peckus*; праслав. *čerda*, литовск. *keřd-zius*; праслав. *gōvь*; латышск. *kupa*); позднее он исчез (ассимилировался), оставив следы в славянских и балтийских языках. К. Мошинский охотно принял эту теорию, поскольку она давала возможность объяснить этническую принадлежность территории Польши в то время, когда германские племена находились еще к западу от Эльбы, а славяне сидели в Поднепровье². Согласиться с автором рецензируемой книги в этом вопросе невозможно, так как у нас нет никаких положительных данных о пребывании какого-либо неизвестного индоевропейского народа на указанной территории, а относить прародину славян так далеко на восток без особых причин мы не вправе. Кроме того, существуют гораздо более правдоподобные и теоретически хорошо обоснованные точки зрения, объясняющие кентумный тип трактовки старых задненебных палатальных в славянских и балтийских языках. В частности, если принять рассуждения К. Мошинского, то останется непонятным, почему распределение примеров кентумного типа в славянских языках оказывается подчиненным некоторым вполне определенным закономерностям, отмеченным еще С. Агреллем³. Идя вслед за К. Мошинским, пришлось бы признать смешанным языком и иероглифический хеттский, в котором появление сибиланта на месте задненебного палатального также, видимо, зависит от определенных условий; к славянским языкам нужно бы было отнести и древнеиндийский, в котором в отдельных словах представлена кентумная трактовка. Число примеров можно было бы значительно увеличить, если привлечь другие случаи расхождений, аналогичные указанному. Более того, каждую область затухания той или иной изоглоссы можно было бы рассматривать как территорию, смешанную в языковом отношении. По всем этим соображениям нельзя, по нашему мнению, принять точку зрения К. Мошинского о двойном происхождении славянского языка: нужно думать, что она была выдвинута *ad hoc* для того, чтобы впоследствии сосредоточиться на исследовании территории, отличной от той, которую польские автохтонисты рассматривают как прародину славян.

Название книги К. Мошинского — «Первоначальная территория славянского языка» — явно полемическое, поскольку автор сразу же пытается перевести исследование в чисто лингвистический план; он неоднократно заявляет, что его не интересует в данной работе вопрос о прародине физических предков славян или о колыбели славянской культуры (ср. стр. 305). В этом он видит одно из основных отличий от целей Т. Лера-Славинского в его книге «О происхождении и прародине славян». Однако это отличие само по себе не столь велико и принципиально, как кажется К. Мошинскому. Дело в том, что и Т. Лера-Славинского интересует, конечно, прежде всего языковые славяне; если бы это было не так, то трудно было бы объяснить использование Лером-Славинским лингвистических аргументов. С другой стороны, тот факт, что польский лингвист прибегает и к аргументам иного рода (прежде всего, археологическим), не означает, по нашему мнению, отказа от исследования древнейших судеб языковых славян; хотя, разумеется, остается не вполне ясным, насколько удачны методы и результаты, полученные Лером-Славинским.

Что же касается различий между двумя учеными в выборе аргументации (К. Мошинский усиленно подчеркивает их в особой главе о причинах расхождений результа-

¹ См. I. N. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes des uralischen Völker, «Acta linguistica», Budapest, 1, 1952; Y. H. Toivonen, Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat, «Journal de la Société finno-ougrienne», 56, 1952.

² Предпосылки указанной точки зрения содержались уже в книге «Kultura ludowa Stowian», II, zes. 2, стр. 1602.

³ См. S. A. Gr e l l, Zwei Beiträge zur slavischen Lautgeschichte, Lund—Leipzig, 1918 («Die Entwicklung der idg. palatalen Gutturale vor hinteren Velarvokal im Slavischen»).

тов его работы с результатами, полученными Лером-Сплавинским), то и они оказываются не столь существенными, как может показаться вначале. Хотя аргументация Лера-Сплавинского не ограничивается исключительно языковыми данными, зато последние использованы в известном смысле более широко и, главное, более правильно, чем в книге К. Мошинского, который останавливается только на лексическом материале, игнорируя данные фонетики и грамматики; значение же последних по мере углубления в древние эпохи несомненно возрастает, а для предельно далеких периодов является решающим и для определения относительного положения данного языка среди других родственных. Кроме того, есть серьезные сомнения в том, что аргументация К. Мошинского, строго говоря, является лингвистической. Скорее всего, ее можно квалифицировать как культурно-историческую интерпретацию лексических данных, широко применявшуюся уже со второй половины XIX в. К сожалению, хорошо зная преимущества такого метода, польский этнограф забыл о тех его сторонах, которые ограничивают его применение, во-первых, и не позволяют зачастую перейти от чисто лингвистической реальности к физической, во-вторых¹. Поэтому похвальное желание автора оперировать исключительно языковыми фактами практически привело лишь к тому, к чему приходили все ученые в попытках такого рода — к установлению некоторой территории, которую можно рассматривать как прародину славян или, точнее, как их местожительство в определенную эпоху.

Другое недоуменное замечание, связанное с названием работы, относится к понятию «*przewrotny zasięg*» праславянского языка. Реально имеется в виду эпоха на рубеже старой и новой эры с верхней границей, вероятно, в V в. н. э., когда, по мнению К. Мошинского, славяне вышли из границ своей первоначальной прародины и вторглись на территорию Польши, а несколько позже устремили свой путь к Дунаю и на Балканы. Не говоря о явной ошибочности хронологии появления славян в Польше, противоречащей и так называемому «буковому» аргументу самого автора (об этом ниже), остается непонятным, почему территория, на которой, по существу, закончилась совместная жизнь праславян, должна называться первоначальной. Наконец, если следовать предлагаемому К. Мошинским различию протославянского и праславянского языков, то, очевидно, оказывается, что целью автора должно быть определение первоначальной территории протославянского (а не праславянского) языка до того, как он ассимилировал неизвестный язык типа *kentum*. Но даже и в этом случае слово «первоначальная» едва ли уместно, поскольку им — в полном согласии с традицией — лучше обозначать ту территорию, на которой впервые появились специфически славянские изоглоссы, выделявшие ее из более обширной и старой области общих славяно-балтийских, славяно-германских и других изоглосс. Как показывают исследования последних лет по индоевропейской диалектологии (отчасти это было и раньше), древнейшие языковые связи праславянского объединяют его в гораздо большей степени с западными языками, чем с восточными. Во всяком случае, это утверждение в полной мере относится к наиболее специфическим процессам, тогда как славяно-восточные изоглоссы (как-то: сатемная трактовка заднеязычных палатальных, известное изменение *s* после ряда звуков, разражение надежной системы, некоторые аналогии при образовании сигматического аориста и т. д.) окончательно выходят из доверия.

К сожалению, Мошинский никак не объясняет такие факты, как общее развитее *a* и *o*, флексии с элементом *-m* в склонении, *-i-* в каузативных формах, целый ряд удивительных совпадений в именном словообразовании и т. д. — факты, которые объединяют славянскую область с балтийской и германской. Если о явлениях такого рода в книге вообще не говорится ни слова, а древность славяно-германских контактов определяется лишь лексическими заимствованиями, то балто-славянским параллелям автор уделяет несколько голословных фраз (стр. 207—208). По его убеждению, балто-славянские сходства [лексикальные и другие] (!) объясняются контактами славян и балтов на рубеже нашей эры на территории между северным Поднепровьем и Балтийским морем; считать же эти сходства результатом известного единства, относимого к более древней эпохе, по К. Мошинскому, нельзя. Все эти соображения должны внести существенные коррективы в оценку «первоначальности» устанавливаемой К. Мошинским территории праславянского языка.

Первоначальная территория распространения праславянского языка, по мнению автора, находилась в Поднепровье, точнее, в северо-западной и центральной частях Украины; к началу нашей эры границы праславянского языка сильно расширились на север, и лишь затем, вероятно, к концу I-й половины I тысячелетия нашей эры, можно с уверенностью говорить о славянской экспансии в западном направлении. В определении праславянской территории именно таким образом, как это сделано К. Мошинским, по существу нет ничего оригинального: многие ученые и раньше и теперь рассматривали указанную область как прародину славян или, по крайней мере, как существенную ее часть (см. Пейскер, Ростафинский, Нидерле, Фасмер; в последние годы к этой точке зрения склоняются Менгес и, видимо, Р. О. Якобсон). Оригинальное же

¹ См. О. Шрадер, Индо-европейцы, СПб., 1913, стр. 36.

в рецензируемой книге заключается в выборе аргументов или в некоторых выводах, которые делаются из уже известных аргументов.

Каковы же эти аргументы?

Прежде всего флористические (им посвящена вся 4-я глава и 1-я глава дополнений). Начиная с пионерской работы Ю. Ростафинского (в 1908 г.), слависты неоднократно прибегали к аргументам такого рода для определения славянской природы. Однако за пятьдесят лет никто не попытался дать решение вопроса на всем доступном или хотя бы просто на достаточно обширном материале славянской флоры. Обычно излагались лишь ставшие уже тривиальными частные соображения без серьезных попыток оценить методологическую основу исследований такого типа. Большой заслугой К. Мошинского является то, что он снова вернулся к этому вопросу, используя значительный и в ряде случаев новый материал. Несомненно, что этот раздел самый интересный в книге, и его изучение окажется весьма поучительным и полезным даже для тех, кто не согласится с выводами К. Мошинского, сделанными на основании этого материала. Весь фактический материал, относящийся к деревьям, делится автором на три части: деревья, названия которых имеются во всех славянских языках, причем эти названия имеют старые соответствия в других индоевропейских языках (*береза, ясень, ольха, осина, липа* и др.); деревья, названия которых представляют православные новообразования (*верба, сосна, рябина* и т. д.); деревья, названия которых не имеют индоевропейских соответствий, причем их нельзя рассматривать как славянские инновации (речь идет здесь о заимствованиях). К. Мошинский избирает интересный, но несколько необычный путь. Он сосредоточивает внимание на анализе третьей группы деревьев, считая ее важнейшей. Следовательно, он предпочитает определить границы славянской природы извне (путем исключения некоторых ареалов), а не изнутри, как это нередко делалось.

Разумеется, что внимание польского ученого прежде всего привлекает бук. По мнению К. Мошинского, название бука было заимствовано у германцев не раньше IV—III вв. до н. э., а скорее всего уже в первые века нашей эры или даже позже; это заимствование не могло произойти раньше, чем славяне достигли области распространения бука; отсюда вывод, что прародина славян находилась к востоку от этой области (примерно такие же аргументы выдвигались в свое время Ростафинским, Хиртом, Фасмером и др.). Попытка же М. Рудницкого видеть в некоторых славянских топонимах старое индоевропейское название бука квалифицируется как фантастическая¹ без достаточных оснований (стр. 35). Другие возможности решения противоречия между отсутствием в славянских языках старого названия «бука» и принятием теории польской прародины славян по существу игнорируются К. Мошинским. Речь идет здесь не об умалчании некоторых крайне спорных объяснений², а о предложениях первостепенной важности, сделанных с разных точек зрения. Мы имеем в виду существенные замечания Т. Милевского, относящиеся к принципам заимствования³, новые открытия в палеоботанике, сделанные за последние двадцать лет Фирбасом, Шафером и Берчем и интерпретированные в плане определения славянской прародины Т. Лером-Сплавинским⁴ и особенно убедительно Я. Чекановским⁵ (их смысл состоит в том, что восточная граница бука проходила некогда гораздо западнее, так что славяне, сидя в бассейне Вислы, вполне могли не знать этого дерева); и, наконец, полную дискредитацию старых названий бука с вокализмом *āi* (:āi: u) и, следовательно, сопоставления п.-е. *bhāg- со слав. *bъgъ и т. д.⁶ К сожалению, все эти факты остались не учтенными в книге К. Мошинского. Он предпочитает оперировать корнями типа *bhāg-: *bhaug- и, отвергая точку зрения И. Хупса (не называя его имени), строит крайне искусственную теорию о заимствовании праславянского *bъgъ из какого-то неизвестного индоевропейского диалекта (на этот раз уже не кентумного) (стр. 61).

В дальнейшем автор дает анализ других старых заимствований названий деревьев: явора [с указанием на интересные особенности географии этого названия и на неизвестное нам литовское слово *aornas* (?)], ливневницы (польск. *modrzew*; здесь высказывает-

¹ См. M. Rudnicki, BPTJ, 15, 1956, стр. 132—133. Любопытно, что недавно вновь разгорелась полемика о топонимах со следами названия бука на другой окраине распространения бука, а именно в кельтской области, ср. A. Heiermeier, Indogermanische Etymologien des Keltischen, I, Würzburg, 1955 и J. Pokorny, Zum keltischen Buchennamen, BzNf. 7, 1956 и его же рецензия на книгу Хайермайер в «Zfcelt Phil.», 26, 1957.

² См. M. Budimir, Problem buke i protoslovenske domovine, «Rad JAZU», knj. 282, 1951, где славянское слово сопоставляется с лидийской глоссой βαρκός «красный»; или еще ранее A. Brückner, KZ, 46, 1914, стр. 193.

³ См. T. Milewski, Zarys językoznawstwa ogólnego. II, стр. 302. Lublin—Kra-ków, 1948.

⁴ См. T. Lehr-Spławiński, O pochodzeniu..., стр. 45, 156.

⁵ См. J. Czekański, Polska-Słowiańszczyzna, стр. 91—102; Wstęp..., стр. 146—150.

⁶ См. E. Pabler, Die Buchenfrage. Frühgeschichte und Sprachwissenschaft, Wien, 1948. Эту точку зрения разделяет и М. Рудницкий (указ. статья, стр. 132).

ся заслуживающее внимания предположение о роли германского **madra- triu*), тиса [заимствование из неизвестного языка; сравнение с польск. *cigiedź* и далее с герм. * *fahsu* «барсу», и-е **tig-*: **tog-*: **tig-(!)*], одного из видов рябины (польск. *brzezinka*, чешск. *brek*, сербскохорват. *брекня* и т. д. — *Sorbus torminalis*). Здесь же рассмотрен круг вопросов, поднятый еще К. Ничем в связи с названиями *jodla*, *świerk*, *śmrek*. Однако и это интересное наблюдение из географии ботанических терминов вовсе не обязательно трактовать столь прямолинейно и однозначно, как это делает К. Мошинский.

Следующим аргументом в пользу отсутствия славян на территории Польши до нашей эры, по мнению автора, является диспропорция между расцветом так называемой «кельтской» археологической культуры в IV—III вв. до н. э. (и в языковом плане она интерпретируется как кельтская ввиду плотмеевского *Lugidunum*) и чрезвычайной скудостью славянских заимствований из кельтских языков. Однако какова бы ни была роль кельтов и их вклад в славянскую культуру и язык, у нас нет оснований устанавливать непосредственные связи между «кельтской» культурой и кельтскими диалектами и, следовательно, придавать серьезное значение аргументу польского ученого¹.

В доказательном отношении примерно таким же достоинством обладает наблюдение К. Мошинского о почти полном отсутствии старых лексических связей, которые объединяли бы славян с германцами в такой области, как название культурных растений и оружия (!). Подобный вывод оказался возможным только в силу предвзятости взглядов автора, который обычно отводит германо-славянские сходства, хорошо известные каждому лингвисту, ссылаясь на то, что подобные же примеры есть в некоторых других индоевропейских языках, или они представлены лишь в части германских языков, или они содержат некоторые препятствия фонетического² и семантического характера; наконец, в ряде случаев К. Мошинский объясняет их, — тут уж не взирая ни на какие трудности (как в случае с германо-балто-славянским названием ржи), — явно неприемлемым образом.

Использование аргументов отрицательного характера продолжается и в дальнейших рассуждениях. Автор оспаривает количественное преобладание славяно-германских сходств над славяно-иранскими указанием на неравномерное распределение германских и иранских примеров в словаре Вальде-Покорного, на слабое состояние изучения иранских диалектов. Однако эти замечания, верные в качестве критики слишком элементарных статистических подсчетов Т. Лера-Сплавинского³, сами по себе никак не могут быть подтверждением мысли К. Мошинского о преимуществе славяно-иранских связей над славяно-германскими.

Переходя к анализу славяно-иранских лексических связей, К. Мошинский в основном синтезирует результаты известных исследований Розадовского и Мейе, игнорируя почти все написанное в последние десятилетия. Если бы новая литература была учтена, то, с одной стороны, значительно увеличилось бы число приведенных автором славяно-иранских сходств, а с другой, кое-что получило бы уточнение⁴ или даже было бы исключено из числа соответствий, тем более, что наблюдается определенная тенденция к ограничению числа этих сходств⁵. Некоторые сопоставления К. Мошинского заслуживают пристального внимания, ср. слав. **chъmelъ* и авест. *haoma* (хотя детали такого заимствования остаются не ясными)⁶, особенно если учесть соответствующие угрофинские параллели; другие же явно ошибочны (выведение слав. *rota* из иранского заимствования!) или предвзяты (ср. рассуждения о Перуне с полным игнорированием западных связей).

¹ Тем более странной кажется попытка Т. Лера-Сплавинского (правда, в виде гипотезы) связать с кельтским влиянием польское мазурение (см. его статью «*Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich*», «*Rocznik slawistyczny*», 18, 1956). Более целесообразно, видимо, говорить лишь о культурных (в археологическом плане) влияниях кельтов, как это делает Я. Филипп (ср. его работы: «*Die Aufgabe der Kelten in Mitteleuropa und ihre kulturelle Erbschaft*», «*Palaeologia*», 4, Osaka, 1955; «*Keltové ve střední Evropě*», Praha, 1957).

² Между прочим, фонетические трудности сопоставления слав. *sliva* с др.-в.-нем. *slēha* (есть и *slēwa*, что, видимо, К. Мошинскому осталось неизвестным) могли бы теперь разрешиться в согласии с предложением А. Мартине. См. его статью «*Some case of -k/-w-alternation in indo-european*», «*Word*», 12, 1956.

³ Ср. их оценку Я. Сафаревичем в рецензии на книгу Т. Лера-Сплавинского (см. «*Rocznik slawistyczny*», 16, 1948) и в статье К. Крытыка «*metody ilościowej, stosowane w ocenie pokrewieństwa językowego*», BPTJ, 8, 1948.

⁴ См. F. B. J. Kuiper, Avestan *mazdā-*, «*Indo-Iranian journal*», 1, 1957 (к стр. 84 книги К. Мошинского).

⁵ См., например, J. Graffenhauer, Ali je praslovanska beseda *Bog* iranska izposojenka, «*Slovenski etnograf*», 5, 1952; О. Н. Трубачев, К этимологии слова *собака*, «*Краткие сообщения Института славяноведения*», 15, 1955, и др.

⁶ Впрочем К. Мошинский ошибается, категорически заявляя об отсутствии ботанического соответствия сомы (стр. 218). Ср. A. Stein, On the Ephedra, the Hūm plant, and the Soma, BSOS, 6, 1931, и др.

Ряд разделов книги посвящен традиционным вопросам интерпретации геродотовского сообщения о неврах, анализу упоминаемых Диодором и Плинием названий палов (спалов) и т. д. Здесь не место оценивать эти аргументы, поскольку их трудно назвать лингвистическими. Поэтому ограничимся двумя замечаниями. В полном противоречии с действительным положением вещей находится утверждение К. Мошинского, что «почти все исследователи вплоть до современных» считают неврам славянами (стр. 98). В этих же разделах содержатся серьезные этимологические ошибки: предложенному К. Мошинским объяснению слова *колымага* нужно решительно предпочесть недавнюю этимологию К. Менгеса¹; переход **sk'aina* > **sēna*, как и образование из последнего *sēna*, *sēnъ* путем контаминации, в одном случае невозможен, в другом недоказуем с нужной строгостью.

В разделе, посвященном происхождению названия славян и распространению его на все племена славянской ветви языков, автор продолжает оставаться в сфере гипотетических поисков, которые даже в случае их удачного завершения едва ли что-нибудь дали для решения основной задачи исследования. С другой стороны, он не обращает внимания на географическое распределение этнонимов с корнем *slav-/slav-*. Здесь же К. Мошинский предлагает объяснять название хорватов как скифский вариант слова *сербы* (которое в свою очередь из и.-е. **serv-*, ср. лат. *servus*): **serv* > скифск. **harv-*. Если с этимологией «серб», восходящей в конечном счете к Константину Багрянородному, некоторые ученые могли бы согласиться², то объяснение второго слова, очевидно, вызовет серьезнейшие возражения. Видимо, то же произойдет и с точкой зрения К. Мошинского об иранских связях (или даже заимствованиях) германского и славянского названия для седла и для стрелы, об исключительно иранском происхождении славянских слов с суффиксами *-ago-*, *-ogo-* (без учета значения этого элемента и иранского суффикса *-ak-*).

Не совсем также понятно, что может дать для определения первоначальной территории распространения праславянского языка установление (разумеется, крайне гадательное) старого названия Днепра, тем более, что, вопреки мнению автора, невозможно доказать славянскую принадлежность этого топонима. И уж представляется совсем странной попытка К. Мошинского определить праславянскую территорию на основании противоречий между реальным значением целого ряда географических терминов в славянских языках и их этимологическим значением. Уместно вспомнить, что совсем недавно И. Шютц отказался решить более простую задачу — установление изменений общеславянской географической терминологии в условиях Балкан, хотя он продолжал весьма значительную подготовительную работу.

Последний существенный аргумент К. Мошинского в пользу приднепровской прародины славян заключается в гидронимах этого района. Их исследование именно в Поднепровье, помимо ряда других причин, оправдано и тем, что, как известно, славянская гидронимия серьезно отличается от той, которую теперь принято называть центрально-европейской. Следы последней сохраняются на территории Польши, но отсутствуют в бассейне Днепра. Поэтому изучение гидронимического ареала, отличающегося от центрально-европейского, сулит важные открытия. Однако предварительным условием анализа является установление критериев «славяности» в связи с определенной временной шкалой. Без этого ни одно топонимическое исследование не может рассчитывать на успех. И, конечно, это хорошо известно К. Мошинскому — ведь именно он в одной из своих прежних работ независимо от К. Буги показал возможность совершенно иной интерпретации названий рек Горынь и Иква по сравнению с безупречным, как казалось, объяснением Фасмера (впоследствии Фасмер принял точку зрения К. Мошинского относительно названия первой реки; в отношении Горыни см. также рецензируемую книгу, стр. 171). К сожалению, польский ученый не позаботился об определении критериев той или иной принадлежности гидронимов днепровского бассейна. Поэтому даже наиболее острые наблюдения оказываются, по существу, бездоказательными, что особенно ясно при сравнении результатов, полученных К. Мошинским, с выводами Розавадовского, Фасмера, Лера-Славинского и других лингвистов, занимавшихся гидронимией указанной территории. Второй важной ошибкой является то, что К. Мошинский ограничил свои поиски славянской топонимией исключительно Поднепровьем. Но ведь если бы даже ему удалось строго доказать, что названия рек этого района действительно славянские, то это все-таки не значило бы, что праславянская территория ограничивается Поднепровьем, так как подобного рода гидронимия могла существовать и в бассейнах Вислы и Одры. Мы не будем здесь приводить возражений против этимологий речных названий, предложенных К. Мошинским, по указанным выше соображениям³. Заметим лишь, что заключение автора, согласно которому он определял названия приднепровских рек только из славянского лексического материала (стр.

¹ См. K. Menges, *Altaiische Lehnwörter im Slavischen*, ZfslPh., 23, 1955.

² Ср. G. Grégoire, *L'origine et le nom des croates et des serbes*, «Byzantion», 17, 1944—1945. К сожалению, эта статья, видимо, неизвестна К. Мошинскому.

³ Стоит указать лишь на этимологию названия реки Стирь, не выдерживающую самой элементарной критики.

205), ни в коей степени не соответствует действительности; наоборот, как правило, в книге даются чрезвычайно далекие этимологии речных названий — чаще всего в виде общендоевропейских корней со значением «светлая», «ясная», «блестящая» и т. д. Такой метод этимологизирования едва ли найдет сейчас много сторонников.

Один из последних разделов книги посвящен решению вопроса о том, откуда пришли славяне на их прародину в Поднепровье. Здесь наиболее четко обнаруживаются связи концепции К. Мошинского с основными положениями его книги 1926 г. Многие примеры повторяются без изменения; количество заведомо неверных славяно-урало-алтайских этимологий и сопоставлений здесь особенно велико (ср., например, устанавливаемую автором связь между *слав. porę*¹ и тюркским названием барсука и др.); каждый внимательный читатель их обнаружит, и поэтому здесь нет необходимости в их перечислении.

Книга К. Мошинского заканчивается рассуждениями о социальной структуре праславянского общества на основании прежде всего этимологических данных (среди них новая этимология слова *konь*, из **skopъ* от **skopiti* «кастрировать») и целым рядом различных дополнений и уточнений к основным разделам книги.

Бесспорно, что новое исследование К. Мошинского представляет собой фундаментальный труд с таким широким кругом проблем, что в известной степени он заслуживает названия праславянской энциклопедии. Однако существенные методологические изъяны и целый ряд ошибок при анализе конкретного материала значительно снижают достоинство книги.

В. Н. Топоров

Chr. S. Stang. Slavonic accentuation.— Oslo, 1957. 192 стр. («Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. I. Hist.-Filos. Klasse». 1957, № 3).

Один из крупнейших современных славистов — профессор университета в Осло Хр. С. Станг, имеющий большие научные заслуги как исследователь древнерусского (древнебелорусского) языка и как выдающийся компаративист, прежде всего в области славяно-балтийских языковых связей, обогатил нашу науку новым важным синтетическим трудом — на этот раз в области славянской акцентологии. Научные интересы Хр. С. Станга ясно определились уже в предшествующих работах — о славянском и балтийском глаголе и о языке одного из двух важнейших снабженных знаками ударений памятников русского языка XVII в.² Новую книгу Станга естественно поэтому отметить как плод долгой работы, увенчавшейся значительными результатами.

Наиболее важные научные достижения книги автор коротко сформулировал в заключении ее (стр. 179) в виде семи положений:

1. Закон де Соссюра не действовал в славянских языках.
2. Новоаккутовая интонация обязана своим появлением не метатонии, а репессии («оттяжке») ударения с полугласного («редуцированного») или с нена начального гласного с нисходящей интонацией.
3. Новопиркумфлексовая интонация относится не к праславянскому периоду.
4. В праславянском обнаруживаются три интонации: а) акутовая, которая может встречаться на любом слоге и в отношении места ударения характеризуется устойчивостью его во всей парадигме; б) новоаккутовая, которая может встречаться на любом слоге, если другие формы той же парадигмы или этимологической группы имеют ударение на следующем слоге.; в) пиркумфлексовая, встречающаяся в первом слоге слова, когда другие формы парадигмы имеют ударение на последнем слоге.
5. Все-именные и глагольные—парадигмы могут выступать как: а) неподвижные с: а) ударением на первом слоге или б) ударением на срединном слоге. Ударение было в таких случаях перетянуто с пиркумфлексированного слога на срединный и — у глаголов — аналогически с *-e/-o-*. Новоударенный слог получал новоаккутовую интонацию; б) подвижный тип с ударением в некоторых формах на первом слоге, в других — на последнем, с передвижением его на срединный. В глаголах сохраняются некоторые (немногочисленные) следы былой подвижности ударения. В большей части форм ударение аналогически перенесено на конечный слог.
6. Славянские неподвижные парадигмы тесно связаны с теми, какие мы находим в балтийских языках. Неподвижный тип с ударением на последнем слоге основы, который в некоторых случаях сросся с окончанием, в литовском языке исчез.

¹ Любопытно напомнить, что оказалась неудачной и известная попытка Е. Д. Поливанова объяснить другое индоевропейское слово для названия «свиньи» с помощью заимствования (из китайского языка).

² См. Chr. S. Stang, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942; и его же, *La langue du livre d'Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647*, Oslo, 1952.